

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ТЕАТР

Вот об этом можно в самом деле, и с блюдами полную скромность, твердо сказать:

— Единственный в мире. Первый в мире.

Это будет чистой правдой. И это будет безусловной похвалой и источником законной гордости. Ибо — была же наша страна первой в мире по фабрикации лаштей; по гордиться здесь было нечем.

На сцене Театра народного творчества пляшут колхозники, деревенские жители. Они не в лаптях, не в зипунах. Они в ботинках, в рубашках с воротничками, при галстуках. Они скоро сменяют каргузы, кепки на щеголеватые мяткие шляпы. Но попробуйте сказать о ком-нибудь из них: «эх, шляпа!» или «пу, и деревни!» Ответят так, что вы не обрадуетесь. Эти люди делают большую политику. Скоро они дадут шесть — восемь миллиардов пудов зерна. Они обгоняют американских фермеров. У микрофона в Кремлевском дворце они говорят о государственных делах. Они также и танцуют; между прочим, недавно съездили в Лондон, на чужих посмотреть и самим поплясать. Советские колхозные танцоры перетанцовали в Лондоне всех: пригласили их во дворец познакомиться — ну, что же, пошли; придворные дамы строилим кисло-сладкие улыбки...

Не только колхозники выступают на сцене нового театра. Вот мягко двинулся и повернулся пол, танцоры скрылись, а вместо них зрителям явился симфонический оркестр. Задумчивые седые головы склонились над грифами инструментов, длинные пальцы бережно перебирают струны. Инженер Васильев работает в Академии наук над проблемой парафино-окислительного крекинга. Профессор Ключников пишет историю Эллады, Васильев Кара — консультант Института мирового хозяйства, а доктор Розен — ученый хирург. Но сейчас они слиты в едином добровольном и строгом подчинении Бетховену; торжественный и страстный поток «Эгмонты» мчит их вперед; и вместе с ними притихший в полумраке зал, и вместе с ними миллионы людей, внимательно напрягающих радиослух.

Этот театр возник и прорвался как-то сразу, в полной неожиданности; он возник и организовался чуть ли не в три недели; да еще в прошлую ночь здесь, как говорится, ничего не было, в хаосе фанеры, контрабасных струн и масляной краски носился неистовый взлохмаченный Фурер, а булочники мирно пекли сдобу. Сейчас эти булочники вдохновенно исполняют па сафонона танго, и зал гремит аплодисментами, и за кулисами уже готовят программу номер два.

Но так же точно возникло и неожиданно прорвалось стахановское движение. Так же неожиданно прорывает ледяные оковы согревшаяся река, так неожиданно лопается долго зревшая ночка и из-под скромного защитного покровца встает изумительный, красочный, сложный цветок.

Театру народного творчества не придется ждать подкреплений, как не пришлось ждать Алексею Стаханову. Этот кристалл возник в перенасыщенном растворе; труппа нового театра формируется с быстротой волшебства. В ней и сейчас уже не меньше ста тысяч человек; образцы будущих программ нам показали в кинохронике: вот народные певцы Киргизии, вот пляшут грузины, марийцы, узбеки, вот немцы Поволжья играют чинный медлительный вальс... А сколько резервов, и готовых, и готовящихся. Сколько пионеров, прослышав о новом театре, будут уничтожать маммы матрацы чудовищными акробатическими прыжками; сколько почтенных бухгалтеров начнут, отвлекаясь от квартального отчета, ремешировать вой овчарки, гисцы, ягуара и других домашних животных.

А как же уровень вновь открывшегося театра? Как с квалификацией? Как с проблемой «любительства и профессии»?

Конечно, эта проблема есть и остается. Но только не для нашей страны, той страны, где завод состоит в роде в со втузом, Красная Армия с Особавнахимом, колхозный полевод с академиком, рабкор с журналистом, литкружковед с Максимом Горьким.

Потому нет никаких причин сомневаться ни в правоте, ни в искренности лучших

мастеров искусства, народных артистов, пришедших приветствовать артистов народа. Каждый специалист в любой области, и, конечно, в области искусства, знает отлично, что растущая масса любителей и добровольцев есть лучший актив вокруг него, лучшие его ценители, лучшие союзники, лучшая смена.

Что же касается оценки и критического подхода к самостоятельным выступлениям в Театре народного творчества, то разговор свысока был бы здесь так же неуместен, как и безграничная снисходительность и всепрощение. Об исполнителях этого театра надо говорить так же требовательно, как и о прочих, с той только разницей, что здесь главная ответственность лежит не на самом артисте, а на организации, его посплавшей, и прежде всего на руководстве самого театра. С этой точки зрения первая программа Театра народного творчества дает ряд ясных примеров.

Наиболее сильное впечатление в этой программе производят прежде всего четыре коллективных выступления. Это — речевой хор N-ского полка НКВД, со своим литературным монтажом «Бойцы Октября», далее детский коллектив клуба «Красный текстильщик» в маленьком комическом балете «Рыбная ловля», далее симфонический оркестр научных работников и клуба Ногина и, наконец, хорошо известная русская пляска Центрального дома самодеятельности. Это все крепкие творчески содружества, хорошо организованые и внутренне спаянные дружной работой.

Гораздо хуже получились кавказские пляски с ансамблем восточных инструментов. Таких ли кавказских танцоров видела Москва хотя бы за последний год!..

Чем-то был смущен и эксцентрический оркестр Сталинского района, всегда такой яркий и захватывающе молодой. Зато хор Тульского патронного завода был в ударе и имел вполне заслуженный успех.

Говоря о групповых номерах, надо отметить успех семьи Казыбековых. Это цыгане, но цыгане не из рваных палаток, не с бульвара и даже не из цыганского театра, а из мастерских метро. Сюда они пришли плясать — праздничные, в ярких шелках, расшитых золотом!

Зато плохими надо признать «Детские разговоры» в исполнении женской четверки. Это неудачная копия Рины Зеленой, искажающая оригинал. Надо придумать что-нибудь свое — ведь в этом должна быть особенность исполнителей в Театре народного творчества!

Как всегда, большой успех имели самодеятельные спортивные и акробатические номера. К сожалению, программы умалчивают об именах наших заводских акробатов, оставляя всю честь режиссеру. Это надо бы изменить. В программах должны быть названы не только все помощники режиссеров и прочие начальствующие лица, но прежде всего сами исполнители.

Подбор солистов для театра самодеятельности — самое ответственное дело. Конечно, артисту-любителю неизмеримо труднее выступать в одиночку, чем в ансамбле. Но зато и выбор солистов во много раз обширнее. В первой программе лучшими солистами оказались работники фабрики Свердлова Кочеп («Венгерская песня»), колхозница Бабенцова и работница Григорьян («Тюркская песня»). Очень талантлив комический таспюр Филиппов, но режиссура должна ему помочь в нахождении новых приемов.

Можно было бы, и по справедливости, упрекнуть режиссуру и в кое-каких других огрехах, получившихся, очевидно, из-за спешки. На сцене не было особого порядка и чистоты, акробаты опасно спотыкались на скользком полу, у плясуньи из-под легких сарафанов виднелись толстые шерстяные платья, часть исполнителей была одета небрежно. Винувата спешка. Но в этот раз мы за спешку. Хорошо, что так спешно открылся этот театр — и неожиданный, и долгожданный! Пусть он развивается и охорашивается походу, из программы в программу, изо дня в день. Мы насколько не боимся, что это будет плохой театр. Для этого в нем слишком много заинтересованных лиц и в зале, и на сцене, и за кулисами, и во всей стране.

МИХ. КОЛЬЦОВ.